

Офицерский
Честь и мея
роман

*Владимир
Каржавин*

Спасители града Петрова

Офицерский роман. Честь имею

Владимир Каржавин

Спасители града Петрова

«ВЕЧЕ»

2020

Каржавин В. В.

Спасители града Петрова / В. В. Каржавин — «ВЕЧЕ»,
2020 — (Офицерский роман. Честь имею)

ISBN 978-5-4484-8211-3

Роман рассказывает о первой победе русской армии в войне 1812 года, когда корпус генерала Витгенштейна, значительно уступая в численности, преградил двум французским корпусам дорогу на Санкт-Петербург в кровопролитном сражении близ села Клястицы. Его главный герой – офицер военной разведки капитан-артиллерист Ярцев, работая в тылу неприятеля под видом итальянского интенданта Донадони, сумел раздобыть самые секретные планы французского маршала Удино. С помощью хорошо налаженной связи они были незамедлительно переданы в штаб русского корпуса и помогли одолеть коварного врага. За эти успешные действия император Александр I назвал Витгенштейна спасителем града Петрова и единственному из всех участников войны с Наполеоном присвоил высокое звание генерала от кавалерии.

ISBN 978-5-4484-8211-3

© Каржавин В. В., 2020

© ВЕЧЕ, 2020

Содержание

Пролог	5
Часть первая	9
Часть вторая	34
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Владимир Васильевич Каржавин

Спасители града Петрова

Роман

Пролог

Колёса вагона наигрывали привычную железнодорожную мелодию. Вагонные окна выходили на север, исправно работали вентиляторы, и июльская жара не ощущалась. В купе было трое. Четвёртый пассажир, который всю дорогу не отрывался от ноутбука, сошёл ночью на одной из станций.

– Так, значит, в Санкт-Петербург? – спросил седой мужчина с суровым взглядом слегка выцветших серых глаз.

– Вот решили, будем поступать, – ответила за молодого человека женщина приятного вида, по лицу которой без труда можно было определить, что она его любящая мама.

– И куда, если не секрет?

– Думаем, в финансово-экономический.

– Нет, мама, в университет! – решительно заявил молчавший до этого юноша; элегантные, едва приметные очки слегка двинулись на его лице. – Только в университет!

– Ну, хорошо, хорошо, Артём, пусть в университет. Но тогда, на юридический, ведь его заканчивал наш президент.

– Нет, мама, я хочу изучать историю.

С этими словами тот, кого звали Артём, не желая выяснять отношения при посторонних, встал и вышел из купе. Мама проводила его укоризненным взглядом и вздохом. Видно было, что диспут на тему: куда пойти учиться, остался в семье незавершённым.

– И в кого он у меня такой, – негромко произнесла женщина так, чтобы сыну не было слышно. – С 1-го класса отличник, имеет высокий ЕГЭ... Тётя его, моя родная сестра, заместитель декана в финансово-экономическом... Сейчас большинство молодёжи идёт в экономисты, юристы, управленцы, а мой заладил: история, история... хочу на исторический...

– Но это же хорошо, у парня есть мечта.

– Мечта? Что он будет иметь с этой мечты? Его отец – известный в городе адвокат. Я... кстати, извините, не представилась – Людмила Викторовна.

– Очень приятно, Багрянцев Иван Фёдорович.

– Взаимно... Так вот, я главный бухгалтер крупной фирмы. А кем будет наш единственный сын, если закончит исторический? Работником архива? Школьным учителем?

По лицу собеседника пробежала тень, но видно было, что он владеет своими эмоциями.

– Я не до конца представился: полковник в отставке, а ныне учитель истории гимназии № 2 города Пскова. Как говорится: прошу любить и жаловать.

Людмила Викторовна молчала. Видно было, что она крайне смущена своими поспешными выводами о значимости профессий.

– И ничуть не жалею, – добавил Багрянцев для убедительности.

– Но у вас, как у полковника, большая пенсия. Зачем же вам ещё учительствовать? – прервала молчание Людмила Викторовна. – Один наш хороший знакомый, тоже полковник в отставке, открыл в городе автосервис.

Багрянцев не ответил, не считал нужным. Но мог бы ответить, мог бы рассказать, что с детства любил историю, но после гибели отца, тоже человека в погонах, пошёл в военное училище.

Голос у Багрянцева был, как принято говорить, ярко выраженный, командирский. Его разговор с Людмилой Викторовной дошёл до стоящего в тамбуре Артёма.

– Так вы историк? – спросил он, вернувшись в купе.

Полковник в отставке с интересом посмотрел на молодого человека.

– Историк? Это сказано слишком громко. Я учитель истории и возглавляю местное общество краеведов.

По лицу Артёма было видно, что он хочет что-то сказать, но не решается. И всё-таки вопрос прозвучал:

– Простите, не могли бы вы меня немного поэкзаменовать?

– Каким образом?

– Ваш вопрос – мой ответ.

Багрянцев скупо улыбнулся: молодой человек был ему симпатичен.

– Давай, попробуем. А чья история тебя интересует больше: отечественная, зарубежная?

– Пожалуй, отечественная.

– А период?

– Период? С момента начала царствования Романовых.

– Кстати, в каком году был призван на царство первый из Романовых?

– В одна тысяча шестьсот тринадцатом, Михаил Романов.

– А завершилось правление династии?

– В одна тысяча семьсот шестьдесят первом.

– Ты уверен в этом? Не в девятьсот семнадцатом?

– Если подходить юридически, то нет. Династия Романовых завершилась с момента смерти императрицы Елизаветы Петровны. Заступивший на престол Пётр III был уже представителем Гольштейн-Готторпской династии, хотя считался Романовым.

Людмила Викторовна листала иллюстрированный журнал, временами поглядывая то на экзаменатора, то на экзаменуемого. Процесс отклонения сына от экономики и юриспруденции в сторону истории ей явно не нравился.

– Что ж, неплохо, пойдём дальше, – изрёк Багрянцев. – А вот скажи, чем принципиально отличается восстание Пугачёва от восстания Разина? Я имею в виду – в организационном плане.

На минуту Артём задумался. Крестьянские восстания с давних пор интересовали его. Разин, Болотников, Пугачёв... а в Европе – Жакерия, восстание Уота Тайлера... Он глянул в окно: мелькали деревья, поляны, просёлочные дороги.

– Наверное, тем, что у Стеньки Разина войско представляло большую шайку разбойников. У Пугачёва же было что-то, похожее на регулярную армию.

– Что конкретно?

– Планировались наступательные действия. Войско делилось на полки. Был свой Военный совет. Была армия.

– А причина?

– Думаю, простой казак был не в состоянии так организовать своё войско. Ему кто-то хорошо помог.

– Кто же?

– Не знаю. Материалы допросов сподвижников Пугачёва были уничтожены. Могу только предположить, что это были представители страны, заинтересованной в ослаблении Российской империи.

Теперь уже задумался Багрянцев. Он часто задавал этот вопрос и себе, и коллегам. И вот теперь слышит мнение будущего студента-историка.

– Что ж, неплохо, неплохо... Пора перейти в век XIX, к Наполеоновским войнам. Скажи, пожалуйста, кто и когда въезжал в Париж во главе русских войск?

- Император Александр I и Барклай-де-Толли.
- В чём заслуга генерала Витгенштейна?

Артём не ответил. В купе стало тихо; лишь по-прежнему мерно отстукивали вагонные колёса. Багрянцев понял: молодой человек не знает. Его охватила досада. Этот парень нравился ему всё больше и больше. И вот... А как хотелось, чтобы он ответил на этот вопрос, ведь кого ни спроси, никто не знает.

И Артёму было неловко. Чтобы как-то загладить своё незнание, он неуверенно проговорил:

– Могу ошибиться... Витгенштейн герой Бородинской битвы. По-моему, он был у кого-то начальником штаба. У Кутузова?

– Нет. Начальником главного штаба армии был Беннигсен, – тяжело вздохнул Багрянцев. – А я уж мысленно хотел тебе пятёрку поставить. Что же ты: генерала Витгенштейна при Бородино не было. Витгенштейна называли спасителем Петербурга, того самого Петербурга, куда вы с мамой направляетесь.

По утончённому лицу Артёма было видно, что сдаваться он никак не намерен:

– Подождите, подождите... Если бы я был Наполеоном, я какую-то часть войска двинул бы на Петербург. Он же был столицей.

– Ты мыслишь, как стратег, – невесело заметил Багрянцев. – Так оно и было. И дорогу французам на Петербург закрыл...

– ...генерал Витгенштейн со своей армией.

– ...со своим корпусом, это меньше армии. И воевал он сначала против двух, а затем против трёх корпусов наполеоновской армии.

– И победил?

– Так точно. Решил главную задачу: не пропустил французов на Петербург. Первая победа было под Клястицами, вторая под Полоцком. Это недалеко от того места, где мы сейчас едем. Остальные доблестные герои войны: Кутузов, Барклай, Багратион, Беннигсен в это время только отступали.

Наступило молчание. Артём чувствовал себя уязвлённым, а для учителя истории пропало желание задавать вопросы.

Будущий студент заговорил первым.

– Иван Фёдорович, а не могли бы вы мне подробнее рассказать о роли генерала Витгенштейна и его корпуса в защите Петербурга? Нам об этом на уроках истории ничего не рассказывали.

Багрянцев посмотрел на часы:

– Извини, но мне скоро выходить.

Он поднялся, достал с верхней полки дорожную сумку и, расстегнув молнию, вынул книгу:

– Если хочешь подробно изучить этот вопрос, рекомендую и дарю.

«Иван Багрянцев. Забытый герой незабытой войны», – прочитал Артём и перевернул обложку. На второй странице было небольшое фото автора с биографическими комментариями. Артём перевёл взгляд с фотографии на сидящего перед ним человека:

– Это вы? Вы написали?

– Так точно. Этой книге я посвятил более трёх лет.

Незаметно следившая за ними Людмила Викторовна отложила журнал:

– Оказывается, вы ещё и писатель.

Комплимент в свой адрес Багрянцева слегка смутил:

– Да какой я писатель... Я уже говорил и повторяю: я – учитель истории, краевед. Я только написал, а материалы к книге собирали многие, в том числе мои ученики. Единственное, о чём жалею, так это то, что назвал книгу в единственном числе.

– Как это?

– Следовало бы назвать во множественном числе: «Забытые герои незабытой войны». Главный герой конечно же он, Пётр Христианович Витгенштейн. Но не только он ковал победы. Это и его начальник штаба Довре, командиры дивизий Берг и Сазонов, бесстрашный кавалерист Кульнев и многие другие. И ещё разведка...

– В то время была разведка?

– Разведка в армии была ещё во времена Александра Македонского и Ганнибала. К примеру, Ганнибал одерживал победы не только благодаря своему таланту полководца, но и хорошо поставленной разведке. Сам он не раз, надев парик и прицепив фальшивую бороду, пробирался в стан врага, выведывая секреты.

Заглянувшая в купе проводница прервала разговор, напомнив, что Псков будет через 15 минут.

...На станции Артём вышел из вагона проводить Багрянцева. Иван Фёдорович внимательно оглядел провожающего. Кольнуло на сердце: у него были две дочери и три внуки. А как хотелось сына, потом внука. Выходит, не судьба. А в этом высоком худощавом парне в едва заметных очках, похоже, что-то есть.

– Ну-с, молодой человек с высоким ЕГЭ, агитировать поступать на исторический я тебя не буду. Ты взрослый, и тебе решать. Скажу только одно: кем бы ты ни стал, не знать историю своей страны стыдно.

Артём молчал, держал в руке книгу. Наконец решился:

– Простите, вы мне не подпишите?

– Конечно, подпишу. Кому?

– Артёму Ермолову.

– ...будущему экономисту, юристу?

– Будущему историку.

Такой ответ Багрянцева устроил, но он не подал виду. Размашистым почерком он написал свою книгу и вручил молодому человеку.

– Спасибо.

– А фамилия у тебя историческая. Надеюсь, знаешь, кто такой Ермолов?

– Обижаете...

Полковник в отставке, он же учитель истории и краевед Иван Фёдорович Багрянцев, весело подмигнул на прощание, подхватил свою дорожную сумку и по-военному твёрдо зашагал вдоль перрона. Артём Ермолов смотрел ему вслед, пока по станции не объявили об отходе поезда.

Часть первая

Офицер секретной экспедиции

1810 год, Финляндия...

Лета не чувствовалось совершенно. Низкие тучи, морозящая влага тянулись с окрестных озёр и болот, полукругом охвативших небольшое поселение и расквартированную рядом с ним артиллерийскую бригаду. Два месяца назад бригада вернулась из длительного похода, вызванного войной со Швецией, и её командование, понимая, что воинам надо в первую очередь хорошо отдохнуть, не утруждало их частыми учениями и строевыми смотрами. Финны осторожно относились к русским в военной форме – на обеды не приглашали, балов не давали. Поэтому единственными развлечениями офицеров полка были охота и игра: в карты и на бильярде, который сохранился в местном трактире ещё с тех времён, когда в этих местах хозяйничала шведская армия.

Только в середине июня погода сжалась. Офицеры едва не прокричали «ура!», увидев, как из-за ненавистных туч проглянуло солнце и блеснули островки голубого неба. Но радость их состояла не только в смене погоды. В тот день до их поселения наконец-то добрался почтовый дилижанс. Командир бригады полковник Гогнидзе отменил строевой смотр, а канцелярия едва вместила всех жаждущих получить письма и денежные переводы из родных мест.

...Поручик Ярцев наконец-то выбрался из толпы офицеров. Это стоило ему потери одной пуговицы на кителе. Но чёрт с ней, с пуговицей: в руке у поручика было долгожданное письмо из дома, подкреплённое денежной суммой.

Устроившись поудобнее на небольшом сером валуне, коих в окрестностях было великое множество, Ярцев принялся читать письмо. Это было первое письмо из дома после завершения войны со Швецией. На этой войне он со своей ротой в составе Северной группы войск прошёл по льду Ботнического залива, минуя снежные бури, шквальные ветра и ледяные заторы.

Раздавшиеся за спиной шаги заставили Ярцева оторваться от чтения и обернуться.

– Держу пари, граф, что оно от дамы, – капитан Граббе кивком головы указал на зажатый в руке Ярцева листок письма.

– Вы удивительно проницательны, барон, но должен вас разочаровать: письмо из дома от отца.

Потомок прибалтийских немцев Арнольд Граббе, не лишённый привлекательности блондин лет 30, был действительно разочарован.

– Чёрт бы побрал этих финнов, – проворчал он. – Среди женщин ни одной приличной мордашки.

– Ну, это вы зря. Я встречал молодых девушек, румяных, весьма приятных на вид.

Граббе поморщился:

– От них пахнет сеном и скотным двором, как от наших крестьянок.

– Но они не крепостные, они свободные. Здесь нет ни барина, ни управляющего.

– Какая разница, Ярцев. Впрочем, это ещё полдела. Беда в том, что они по-русски ни бэ, ни мэ, ни кукареку. Как и я по-ихнему... И французского с немецким не ведают.

– Вам бы парижских кокоток... – засмеялся Ярцев и хотел было вежливо попросить сослуживца не мешать чтению письма, как тому вдруг пришла в голову мысль:

– Послушайте, граф, почему бы вам не попробовать объясниться с ними на итальянском. Вы же у нас в бригаде единственный, кто хорошо говорит на языке Цезаря?

– Может, лучше на китайском? – едва не съязвил Ярцев, но промолчал, понимая, что Граббе мог и обидеться. А там и до дуэли недалеко – дуэли в бригаде иногда случались, причём из-за мелочей. У Ярцева же с Граббе отношения были хорошие, можно сказать, дружеские. В

минувшую войну оба командовали артиллерийскими ротами. Правда, в последние дни войны Ярцева назначили командовать пионерной, то есть инженерной ротой, но это мало что изменило в их отношениях.

Спор, на каком языке разговаривать с финскими девушками, остался нерешённым. К ним неторопливой, но уверенной походкой приближался ещё один сослуживец.

– О! Явление второе: те же и ротмистр Петушков. Знает, когда появляться, – театрально воскликнул Граббе и тихо, почти шёпотом, пояснил: – Два дня назад я имел неосторожность дать 50 рублей займа этому пройдохе. Не повторяйте, Ярцев, моих ошибок.

С этими словами Граббе исчез в лесной чаще.

Относительно содержания письма Петушков оказался более проницательным, чем Граббе:

– Как изволит поживать Херсонская губерния? Как здоровье вашего достопочтеннейшего батюшки?

– Лучше некуда, – вздохнул Ярцев, ответив на два вопроса сразу; взгляд его, направленный на сослуживца, красноречиво говорил: «Шёл бы ты куда подальше...»

Командир конной роты ротмистр Петушков был самым старшим в бригаде, и у него всегда не было денег. Причиной отсутствия таковых являлась неуёмная страсть к карточной игре, после которой долги Петушкова постоянно увеличивались.

– Сколько вам? Пятьдесят? Сто? – невозмутимо произнёс Ярцев, желая поскорее избавиться от безденежного ротмистра и продолжить чтение письма.

– Пятьдесят, только пятьдесят! – воскликнул Петушков и тут же поправился: – Хотя... лучше бы сто...

Пока Ярцев доставал бумажник, Петушков принялся разглагольствовать:

– Поручик, вы моя добрая фея. Как я вам завидую, что вы не играете в карты.

– Ну, отчего же, случается, играю.

– Но книги вы любите больше. Наверное, любовные романы о благородном принце и юной принцессе...

– ...которую зовут «Artillery», – закончил за ротмистра Ярцев и подавил усмешку: на итальянском «Artillery» означало «Артиллерия».

– Какое красивое имя.

«Ох, и дурак же ты, братец... прости Господи...» – хотелось сказать Ярцеву, но он промолчал. Ему вдруг стало жалко этого немолодого товарища по оружию.

Сторублёвую ассигнацию Петушков принял, как самую дорогую вещь на свете.

– Вот уйду в отставку через пару месяцев, отправлюсь в Тамбовскую или Рязанскую губернию, женюсь на какой-нибудь вдовушке. Будете приезжать, будете самым желанным гостем...

Наконец Петушков удалился, и Ярцев продолжил чтение. Читал не торопясь, иногда останавливался, задумчиво глядя перед собой. Что-то грустное стало овладевать им – может быть, память о матери?

Он, Павел Петрович Ярцев, родился в Херсонской губернии, где у отца, отставного майора, а впоследствии титулярного советника, было небольшое родовое поместье. Мать часто болела, особенно зимой. И когда ему было 7 лет, отец, обременённый хозяйственными заботами, отвёз его в Петербург, в дом своего друга, инженер-генерала Белаковского. Тот и определил мальчика в сухопутный кадетский корпус. Здесь, в Петербурге, провёл он 11 лет, видел Екатерину, Павла, Суворова – исторических для России личностей и, закончив корпус, вышел с эполетами артиллерийского подпоручика. В корпусе помимо всего прочего их обучали французскому, немецкому, а он вторым языком после русского считал итальянский, ведь его мать была итальянкой. Он старался как можно чаще общаться и говорить с теми, кто говорил на итальянском: владельцами небольших кафе, кондитерских и даже с цирковыми артистами. Эти

разговоры напоминали ему о матери, которая в нём, в единственном сыне, души не чаяла и умерла, не дождавшись, когда он станет офицером. И на службе знание итальянского пригодились. Он познакомился с инженером-итальянцем, строившим фортификационные сооружения. Синьор Теразини, так звали инженера, был принят на русскую службу. Теразини всегда улыбался и энергично махал руками, когда говорил сам или слышал итальянскую речь от русского офицера. А потом были в 1807 году Прейсиш-Эйлау, а в 1808–1809 годах Русско-шведская война – сражения, в которых артиллерийская рота под командованием поручика Ярцева проявила себя с наилучшей стороны.

Ярцев продолжал читать письмо. Отец писал, что хозяйственные дела идут неплохо, хоть и цены на пшеницу несколько упали. Ещё писал, что Марфа Андреевна и Татьяна Юрьевна кланяются, ждут, когда он соизволит пожаловать домой. На Марфе Андреевне отец женился четыре года назад. И когда он, Ярцев-младший, перед началом военной кампании 1807 года приезжал последний раз домой к отцу, то нашёл Марфу Андреевну весьма приятной особой. Но... мать ему она никогда не заменит. И Марфе Андреевне он, уже поручик Ярцев Павел Петрович, тоже приглянулся. Как, впрочем, и её дочери Татьяне Юрьевне – барышне на выданье. Тогда он ещё подумал: а что, если, вернувшись с войны, уйти в отставку, жениться и заняться... нет-нет, только не хозяйством, это не для него. Его всегда интересовала техника, и он мечтал поступить в Московский университет на инженерные курсы, чтобы в дальнейшем строить мосты. На них он иногда долго засматривался в Петербурге, любовался. А что, и поступил бы... и не сидел бы сейчас здесь, в этой дыре...

Знакомый голос прервал его раздумья, заставил оторваться от письма:

– Поручик, в знак благодарности сообщаю вам преприятнейшую новость. – Ярцев не заметил, как перед ним снова появился ротмистр Петушков. Ярцев поднял голову, ироническим взглядом окинул сослуживца:

– Если речь идёт о дополнительном займе, то новость для меня отнюдь не самая приятная.

– Ну что вы, что вы, мы люди скромные. Нам много не надо. А новость такова: вас изволит к себе требовать сам...

На бригадном жаргоне «сам» означало – командир бригады.

– И вы считаете это хорошей новостью? – усмехнулся Ярцев.

Но Петушков не унимался. Зачем-то, оглянувшись по сторонам, он тихо произнёс:

– Прошу прощения, я не договорил. Мне стало достоверно известно, что из Петербурга пришёл пакет с указом о вашем вызове в Военное министерство.

Разумеется, картёжник Петушков предпочёл бы, чтобы пакет из столицы вместо вызова содержал денежные ассигнации. Но, увы...

Не дочитав письмо, быстрым шагом Ярцев устремился к штабу бригады. Командир – грузинский князь Гогнидзе, весельчак, балагур и любитель женщин, отреагировал на полученную депешу так, как и следовало ожидать:

– Совсем недавно, граф, я назначил вас, любителя строить мосты, командиром пионерной роты. И вот вы от нас убываете... Признавайтесь, она графиня? Княгиня? – дружески улыбнулся он, вручая распечатанный пакет Ярцеву. В любом событии Гогнидзе видел «женский след». А уж сейчас тем более, ведь речь шла о переводе офицера его бригады из финского захолустья в столицу.

Историческая справка

К началу Шведской войны артиллерия Российской армии была объединена в бригады. Всего насчитывалось 27 армейских и 1 гвардейская артиллерийские бригады. Каждая бригада состояла из 6 рот: 2 батарейных, 2 лёгких, 1 конной и 1 пионерной (инженер-

ной). Каждая рота, кроме пионерной, имела 12 орудий. В обязанности пионеров входило устройство дорог, мостов, различного рода полевых укреплений и понтонных переправ через водные препятствия. Но военных инженеров не хватало.

– Прошу прощения, князь, но я, как командир пионерной роты, доволен недавним назначением. Поэтому не могу взять в толк, кому и зачем понадобился я в Петербурге, – недоумённо пожал плечами Ярцев. В ответ Гогнидзе протянул пакет.

Стоило Ярцеву глазами пробежать текст приказа, как он начал понимать его смысл. Последняя строка гласила: «Явиться лично к полковнику Воейкову». Любитель женщин Гогнидзе последнюю строку не принял во внимание.

* * *

В марте 1809 года северный отряд русских войск занял шведский город Умео, и к ним в плен помимо шведов попали двое только что прибывших итальянских инженеров. Что они, люди штатские, делали в шведской армии, в далёкой и холодной для них стране, никто не знал. По-русски итальянцы не говорили, по-французски и по-немецки говорили с трудом: а может быть, просто прикидывались.

В бригаде итальянский знал в совершенстве только он, поручик Ярцев. Разговорить «гостей» с юга Европы надо было обязательно, поскольку при них нашли ящик с какими-то устройствами, которые взрывались даже при несильном ударе. Любой пехотинец или артиллерист, катящий пушку, мог наступить на такое устройство, чаще замаскированное, и распрощаться с жизнью. Так и случилось с двумя солдатами. Лет через тридцать подобные устройства будут называть однозначно – мины. А сейчас именовали по-всякому: фугас, горн, земляная пищаль и др.

Военный инженер, а в прошлом артиллерист, Ярцев с подрывным делом был знаком; конструкцию и принцип действия фугасов представлял. Разговорил он итальянцев довольно быстро. Зная, что больше всего на свете они боятся холодной зимы, которая, к счастью для них, закончилась, но рано или поздно наступит снова, он суровым голосом пояснил, что за гибель двух солдат по вине их «штучек» им, подданным Итальянского королевства, «светит» каторга в сибирских рудниках. А там ещё холоднее, чем здесь, на севере Швеции. Свои угрозы Ярцев продублировал и по-французски. Присутствующие при допросе сослуживцы подавляли смех, но итальянцы этого не заметили – им было явно не до смеха. Услышанное произвело на них столь мощное впечатление, что они наперебой стали рассказывать, кто они, что за «штучки» привезли и как ими пользоваться. И выяснилось кое-что интересное. Оказалось, их изобретение в армии Наполеона отвергли. Тогда они предложили его англичанам. Те заинтересовались, но готовы были купить только тогда, когда увидят действие мин в деле. С этой целью несколько десятков мин было изготовлено в голландском городе Геерлене – там уже много лет изготавливали фугасы и экспортировали во многие страны Европы. Правда, это были мины старой конструкции. Изготовление опытной партии новых мин англичане оплатили и теперь – а Британия была союзницей Швеции – желали увидеть действие этих мин на деле. Но не получилось: русские войска уже взяли Умео.

Ярцев подробно расспросил итальянских инженеров. Мины оказались новыми по принципу действия, отличающемуся от ранее известному для Ярцева действию противопехотного фугаса. Но он не остановился на изучении новой мины.

– Как англичане узнают об эффективности действия мин? Кто из них сопровождает груз? Они здесь, в Умео? – спросил он и внимательно, с прищуром, глянул на допрашиваемых итальянцев. Те молчали. Пришлось снова их пугнуть, и не только ужасами сибирских морозов,

но и тем, что теперь их, итальянцев, можно считать шпионами. А со шпионами русская армия не церемонится.

Итальянцы нехотя, но заговорили. От них Ярцев узнал, что в устье реки, протекавшей через весь город и впадающей в Ботнический залив, стоит судно, принадлежащее неизвестно кому. Именно на нём они, итальянцы, и прибыли в Швецию. А сопровождали груз кроме них два англичанина. Одного зовут Уоррен, а как звать второго, они не знают. Но этот, второй, весьма важная персона, все обращаются к нему уважительно – сэр. Эти англичане и сопровождали груз – 5 ящиков с минами, четыре из которых всё ещё находятся в трюме, а пятый стал, как изволил выразиться один из итальянцев, трофеем, захваченным доблестными русскими войсками. Ещё в трюме находятся две пушки какой-то новой конструкции, тоже предназначенные для испытания.

Медлить было нельзя. Ярцев доложил обо всём командиру бригады полковнику Гогнидзе, попросил дать ему несколько человек для ареста судна. Гогнидзе отнёсся с пониманием, и вскоре Ярцев с солдатами были уже на палубе судна, готовые арестовать англичан и конфисковать ящики с минами, а также пушки. Ни то, ни другое осуществить не удалось: ящики с минами и пушки были сброшены в холодные морские воды, а подданные страны Туманного Альбиона исчезли. Видимо, от кого-то узнали об аресте их итальянских партнёров и, как говорят в народе, «дали сапога». Капитан пояснил, что корабль принадлежит одному богатому американцу и был в Лондоне зафрахтован для перевозки каких-то грузов, о которых он и знать не знает.

Весть о том, как скромный поручик-артиллерист разоблачил итальянцев, с их новинками взрывной техники и едва не захватил английских шпионов, быстро долетела до высокого командования. Вскоре Ярцев уже подробно докладывал обо всём случившемся подполковнику Воейкову, который состоял адъютантом при командующем Северной группой войск Барклае-де-Толли и по его поручению вёл в Умео переговоры со шведами.

Простое русское лицо Воейкова, его добродушный взгляд располагали к откровенности. Ярцев выложил всё как было, сопровождая комментариями и умозаключениями. Подполковник, если не считать традиционных вопросов: откуда родом, где служил и в каких боях участвовал, ни о чём не расспрашивал, но как-то цепко и с интересом приглядывался к сидящему напротив Ярцеву.

Казалось, история с итальянцами закончилась. Но это только казалось.

* * *

С минуту полюбовавшись величественным, почти достроенным Казанским собором, который со временем станет памятником русской воинской славы, Ярцев твёрдым шагом направился к трёхэтажному дому с колоннами. Здесь располагалось Министерство сухопутных сил.

Ярцев вошёл в парадный подъезд, остановился у большого, во весь рост, зеркала, всмотрелся: выше среднего роста, черноволосый, смуглый – словно загорелый, хоть и Финляндия не место для любителей загара, а так... особых примет не наблюдается. Затем предъявил дежурному офицеру лист приказа – и вскоре уже сидел напротив Алексея Воейкова, теперь уже полковника, и напряжённо слушал его неторопливый голос.

Откуда родом Ярцев и где служил, Воейков на этот раз не спрашивал, наверное, помнил из разговора во время предыдущей встречи. Лишь поинтересовался:

– Где вы так загорели? Уж не в финских ли болотах?

– Никак нет, – отреагировал Ярцев. – Кожа у меня такая. Я ведь по матери итальянец.

– Знаю, знаю, – произнёс Воейков и тут же перешёл к делу: – Скажите, поручик, как вы расстались с теми двумя итальянцами, которые год назад желали под Умео испытать свои фугасы?

– Хорошо... можно сказать, дружески.

– Почему вы так считаете?

Ярцев слегка смутился:

– Я пугал их ссылкой в Сибирь, чего они боялись как огня. Но потом объявил, что замолвил за них словечко, и их отпустят на все четыре стороны.

– Блефанули?

– Можно сказать и так... Виноват...

Ярцев почувствовал: что-то случилось, и ему сейчас за самоуправство по отношению к подданным другой страны изрядно влетит. Но всё вышло как раз наоборот.

– Что ж, блефануть не грех, а в некоторых делах даже очень нужное качество. – Воейков хитро улыбнулся и тут же цепким взглядом посмотрел в глаза Ярцеву. – Они вам о себе что-нибудь рассказывали?

– Рассказывали и немало. Итальянцы народ говорливый.

– Но вас сослуживцы характеризуют как человека больше молчаливого, нежели любителя поговорить?

– Наверное, потому, что по отцу-то я русский.

Снова на лице полковника мелькнула улыбка и тут же исчезла; взгляд стал серьёзным:

– Что итальянцы рассказывали вам о себе?

Ярцев не ожидал подобного расспроса, поскольку не знал, зачем был вызван в Петербург. Но всё происходящее год назад хорошо отложилось у него в памяти:

– Оба они родом из Неаполя, но живут в Милане, там у них мастерская. За старшего синьор Винченцо. Второй, Джулиани, – его ученик и помощник. Кстати, Винченцо приходится родственником самому принцу Богарнё.

Услышав такое, Воейков откинулся на спинку кресла и задумался.

– Ну а если в ближайшее время вам доведётся снова увидеться с этими итальянцами?

– Это будет радостная встреча за бутылками вина. Кстати, за бутылками вина мы и расстались.

– Они отплыли на том же самом корабле, на котором прибыли и на котором вы пытались захватить ящики с минами и пушки?

– Так точно, на том же самом.

Воейков поднялся, не спеша подошел к большому окну, размеры которого соответствовали размерам кабинета; открыл створку. В духоту кабинета тотчас ворвался бодрящий воздух с берега Невы. Воейков жадно вздохнул, словно ему не хватало кислорода, потом повернулся, подошёл к сидящему Ярцеву и произнёс то, ради чего, наверное, и вызвал его:

– Поручик, вы нам подходите. А посему переводитесь служить в секретную экспедицию при Военном министерстве.

Ярцев поднялся, стоял по стойке «смирно», слушал уже стоя. И вдруг невольно спросил:

– Прошу прощения, господин полковник, но вы только что сказали «секретная экспедиция». Не будете ли вы столь любезным, чтобы пояснить, что это такое?

Воейков, похоже, ожидал подобный вопрос:

– Любопытство, граф, в нашем деле похвальное качество. Узнаете, узнаете и совсем скоро, – сухо произнёс он и, попросив подождать, вышел.

Вернулся он минут через десять:

– Прошу следовать за мной.

Они вошли в большой просторный кабинет, заметно больший, чем кабинет Воейкова. Увидев сидящего за столом человека в генеральском мундире, поручик Ярцев почувствовал,

что у него вспотела спина. Сидевший за столом генерал поднялся, вышел из-за стола и пошёл им навстречу. Это был не кто-нибудь, а сам военный министр Барклай-де-Толли. Не успел Ярцев представиться, как тот спокойным голосом предложил:

– Прошу садиться, господа.

Аудиенция была недолгой.

– Слышал о вас, – сказал министр, оценивающе рассматривая Ярцева. – Так, значит, итальянский и французский... А как насчёт немецкого?

И Барклай стал задавать вопросы на родном для него немецком, продолжая всматриваться в лицо Ярцева. Тот невозмутимо отвечал. Наконец министр посчитал целесообразным прекратить своего рода допрос.

– Вы нам подходите, – произнёс он те же слова, что и Воейков. – С этого дня, капитан, вы состоите на службе в Секретной экспедиции при военном министре.

– Прошу прощения, ваше превосходительство, вы изволили сказать, капитан?

– Я не оговорился. Отныне вы – сотрудник экспедиции, будете проходить службу в чине капитана. Мною подписана грамота о производстве вас в оный чин. Но в силу обстоятельств носить вам мундир капитана какое-то время не доведётся.

Ярцев молчал, не совсем понимая услышанное, а Барклай продолжил:

– Какие задачи вам предстоит решать и вообще обо всём, связанным с вашей службой, вас посвятит начальник Секретной экспедиции полковник Воейков, – движением правой руки Барклай указал на сидящего справа и наблюдавшего за разговором Воейкова и вдруг как-то неестественно сжался. Ярцев сразу понял: это от боли. Все офицеры, участники Северного похода, знали: правая рука, которую Барклай-де-Толли едва не потерял в сражении под Прейсиш-Эйлау, всё ещё до конца не зажила. Ярцев почувствовал себя виноватым – военный министр из-за него сделал болезненное движение рукой – и больше задавать вопросы не решился.

Проводив Воейкова и Ярцева до дверей кабинета, Барклай-де-Толли, перед тем как проститься, серьёзным тоном произнёс:

– Господа, война с Францией не за горами. Результат войны будет зависеть и от вашей службы.

Он, Павел Ярцев, мечтал пойти дальше отца, отставного майора, и стать если не генералом от артиллерии, то уж точно – полковником. Он изучал, когда позволяло время и обстановка, научные труды по истории артиллерии, интересовался инженерным делом. По части артиллерии его особенно интересовала полевая артиллерия, к которой относилась его бригада. Когда офицеры убивали время за карточной игрой, он размышлял о реорганизации полевой артиллерии русской армии и даже был близок к тому, чтобы послать в артиллерийское управление министерства свои предложения. Но случай с итальянскими инженерами всё круто изменил. В Министерстве военно-сухопутных сил ему довелось быть, но... совсем по другой причине.

...В начале осени 1810 года по городам Европы отправился в вояж капитан русской армии Павел Петрович Ярцев, он же экспедитор (агент) Секретной экспедиции при военном министре, а для европейцев – итальянец, собиратель и коллекционер старины.

Историческая справка

Военная разведка существовала с древнейших времён, ибо каждый крупный военачальник стремился добыть максимум сведений о противнике. Но если в годы Цезаря и Чингисхана она сводилась к проникновению в тыл врага и выведыванию сведений, характерных для данной конкретной ситуации, то чем взрослее становилось общество, тем в большей степени разведка военная превращалась в разведку военно-политическую.

Теперь уже становилось необходимым знать не только количество сабель, штыков или пушек у противника, не только места и характер расположения главных сил, но и знать будущие цели и намерения королей, герцогов, султанов, их послов и доверенных лиц. Особенно наглядно это проявилось в начале XIX века во время наполеоновских войн. И война Франции с Россией не станет исключением.

Наполеоновская разведка обладала немалым опытом добывания военно-политической информации. На её счету были успешные операции в Италии, Пруссии, Австрии. Но деятельность разведки оставалась в тени, ибо её затмевали военные победы французов. Все дела разведки находились под личным контролем Бонапарта, к нему стекалась вся информация.

Ближайшими помощниками императора в делах российских были министр иностранных дел Марэ и командующий войсками в Северной Германии маршал Даву. В штаб-квартиру маршала в Гамбурге поступала информация о русской армии, полученная из войск, а в Париж к министру – сведения от французских дипломатов и секретных агентов. Агентура проникала в Россию под видом путешественников, торговцев, артистов, отставных офицеров. Активно использовались жившие в России французы: гувернёры, врачи, преподаватели, прислуга местной знати.

Под руководством Парижа действовали и разведки других государств, входившие в орбиту французского влияния: Пруссии, Австрии. Но наибольшую активность проявляла разведка герцогства Варшавского. Особенно это касалось западных областей. Поляков интересовали военные укрепления, переправы, расположения войск.

Центром, руководившим шпионской деятельностью в России, являлось французское посольство в Петербурге. Через дипломатов переправлялись во Францию сведения, добытые агентурой. На эти нужды, включая подкуп должностных лиц, выделялось из казны до 5 миллионов франков – огромная сумма по тем временам.

Разведывательная деятельность французов и их союзников не могла остаться безнаказанной. Отечественными спецслужбами на территории Российской империи были арестованы несколько десятков иностранных шпионов. Однако Министерству полиции становилось всё труднее в борьбе с вражескими лазутчиками. Поэтому в 1810 году было решено создать в России специализированный орган военной разведки и контрразведки. Он был основан Барклаем-де-Толли и получил название «Секретная экспедиция», который через два года переименовали в «Особенную канцелярию» при военном министре. По его указанию за границу, в том числе непосредственно в российские посольства, были направлены несколько военных агентов для ведения разведывательно-агентурной работы.

Информация агентов русской военной разведки легла в основу стратегии и тактики ведения войны, которых придерживался сначала Барклай-де-Толли, а затем Кутузов.

* * *

Военный министр Российской империи Михаил Богданович Барклай-де-Толли не сомневался в том, что война с наполеоновской Францией будет совсем скоро. Потерпев поражение в кампании 1805–1807 гг., Россия была вынуждена принять условия Наполеона и заключить с ним Тильзитский мир, по которому присоединялась к континентальной блокаде Англии. Англия была главным конкурентом и врагом развивающейся буржуазной Франции. Британцы захватили ряд французских колоний и препятствовали французам свободно торговать. После победного для британцев морского сражения при Трафальгаре Англия по-прежнему остава-

лась владычицей морей. Поэтому Бонапарт решил победить Англию экономически – подорвать её торговлю посредством закрытия для неё всех европейских портов.

Россия оказалась меж двух огней. С одной стороны, Тильзитский мир вынуждал её присоединиться к континентальной блокаде Англии. А с другой – блокада была чрезвычайно невыгодна России, поскольку она активно торговала с Британской империей.

Оставалось одно – тайно нарушать условия Тильзитского мира. В 1810 году русское правительство ввело свободную торговлю с нейтральными странами, что позволило России торговать с Англией без посредников и приняло заградительный тариф, который повышал таможенные ставки, главным образом на ввозившиеся французские товары. Это вызвало негодование в Париже. Наполеон настойчиво требовал от Александра I соблюдать континентальную блокаду, но наталкивался на нежелание России разрывать отношения со своим главным торговым партнёром.

Камнем преткновения была ещё и Польша. В раздробленной Польше Наполеон видел потенциального союзника и намеревался воссоздать независимую Польшу до границ Речи Посполитой, что было возможно только после отторжения от России части её территории. Поэтому когда в начале 1811 года Россия, опасаясь восстановления Польши, стянула несколько дивизий к границам Варшавского герцогства, это было воспринято Наполеоном как угроза своему союзнику.

Вывод прост: Россия существенным образом мешала планам Бонапарта. Поэтому война между Россией и Францией представлялась неизбежной.

И война грянула!

* * *

С утра накрапывал мелкий дождь, сменивший стоявшую несколько дней нудную жару. Где-то вдали громынуло, потом ещё. Два генерала прохаживались по дорожке, которая терялась между прибрежными кустами и больше походила на лесную тропу. Невдалеке журчала река Дрисса, изрядно обмелевшая к июлю.

– Похоже, будет гроза, – сказал Ермолов, обратив взгляд на вершины деревьев; сквозь их густую листву просматривалось иссиня-чёрное небо.

– Настоящая гроза будет завтра, – тихо отозвался Барклай-де-Толли, имея в виду совсем другое.

Уже несколько дней шла война с Наполеоном, и военный министр Российской империи принял командование 1-й Западной армией. Начальником главного штаба у него был генерал Ермолов. Они недолюбливали друг друга, но общие цели и профессионализм объединяли их. Конечной целью для обоих была победа над вторгшимся врагом, а ближайшей...

– Не могу взять в толк, чем этот вертопрах привлёк государя? – сказал резкий в своих суждениях Ермолов.

Барклай был готов к такому вопросу:

– В течение нескольких лет Фуль преподавал государю основы военного искусства.

– Подальше от такого искусства, – со злобой в голосе произнёс Ермолов. – Его искусство пруссаки с лихвой познали в битвах при Иене и Ауэрштадте.

Полковник прусской армии Карл Людвиг Август Фуль считал себя большим военным теоретиком. Когда в 1806 году началась война Пруссии с Наполеоном, Фуль, будучи докладчиком по делам главного штаба при прусском короле Фридрихе-Вильгельме III, составил самый, как ему казалось, непогрешимый план разгрома Наполеона. Война началась 8 октября, а уже 14-го, ровно через шесть дней, Наполеон и маршал Даву уничтожили всю прусскую армию в двух одновременно битвах при Иене и Ауэрштадте.

– Да, Иена, Ауэрштадт, потом Аустерлиц – всё это победы Франции и одновременно позор Пруссии и Австрии. Но нечто похожее может случиться и с Россией, – грустно произнёс Барклай.

– Если принять план Фуля?

– Разумеется. Я тщательно изучил наш Дрисский лагерь, его расположение, его укрепления и местность и пришёл к неоспоримому выводу, что оставить здесь армию, значит, её потерять. Остаётся убедить в этом государя, который одобрил план Фуля и рекомендовал его мне для исполнения. Впрочем, вы осведомлены об этом не хуже меня.

Ермолов отпустил несколько «крепких» выражений в адрес незадачливого стратега Фуля, а Барклай, чтобы уйти от неприятной темы, неожиданно спросил:

– Как вы оцениваете действия генерала Витгенштейна? Он, как и вы, участвовал в кампании 1805 года.

Военный министр, он же командующий 1-й Западной армией, конечно же знал всё о генерале Витгенштейне, но хотел услышать мнение такого прямого в своих суждениях человека, как начальник его штаба.

Ответ Ермолова не заставил себя долго ждать:

– Могу сказать только хорошее: решительный и толковый кавалерийский военачальник, обладающий незаурядной личной храбростью. Правда, тогда он ещё не был произведён в генералы.

– Какие конкретно его действия вы бы отметили?

– Конкретно... В кампанию 1805 года Витгенштейн, командуя кавалерийским отрядом, участвовал в боях, предшествовавших генеральному сражению под Аустерлицем. 24 октября в арьергардном бою под Амштеттенем он действовал под командованием Багратиона, а затем Милорадовича и отбил несколько атак конницы Мюрата, за что был награждён орденом Георгия 3-й степени. Но особо отличился 16 ноября в бою под Вишау – за четыре дня до Аустерлица, когда с тремя полками лёгкой кавалерии разбил отряд французской конницы, захватив более 400 пленных. Вот, собственно, и всё.

– Благодарю... весьма лестные оценки.

В это время совсем рядом сильно гроыхнуло. Ермолов остановился. Барклай последовал его примеру. Но причиной остановки бывшего артиллериста Ермолова был не громовой разряд – он слышал взрывы и похлеще. Всё дело было в вопросе, который Ермолов не решался задать своему непосредственному начальнику, но всё-таки задал:

– Прошу меня извинить... у вас с генералом Витгенштейном связаны определённые намерения?

Барклай ответил не сразу, говорил не спеша:

– От вас не считаю должным скрывать. Если завтра государь одобрит мой план взамен этого... с позволения сказать... стратега Фуля, то корпус Витгенштейна будет прикрывать отход нашей 1-й армии...

– Разумно. Витгенштейн умеет действовать в арьергарде.

– ...а затем защищать дорогу на Петербург, – закончил свою мысль Барклай.

– На Петербург?

– Вас это удивляет?

– В немалой степени.

Командующий 1-й Западной армией, он же военный министр, оценивающе посмотрел на своего начальника штаба и продолжил:

– Москва – символ России, но столицей является Петербург. А кто же не мечтает овладеть столицей? Поэтому Наполеон выделил для движения на Петербург два корпуса: Удино и Макдональда. Это для начала. Он надеется взять столицу малой кровью.

Они снова продолжили движение вдоль берега Дриссы. Ермолов обдумывал услышанное.

– Откуда у вас такие сведения, если не секрет? – спросил он.

– От нашего человека в Париже. Впрочем, он уже не в Париже, вернулся. Мы с полковником Закревским слушали его доклад.

– Закревский... это ваш старший адъютант?

– Он ещё и начальник Особенной канцелярии – службы внешней разведки, если угодно. Только между нами: в 1810 году с величайшего позволения государя-императора я учредил такую службу. Сначала её возглавлял полковник Воейков, а ныне – полковник Закревский. О причинах смены руководства я бы не хотел говорить.

Барклай-де-Толли мог бы добавить, что планы Наполеона стали известны ему благодаря, в первую очередь, деятельности графа Чернышова, военного агента во Франции и подполковника Чуйкевича, военного агента в Пруссии, но промолчал. Знать об агентурной деятельности не надлежало даже начальнику штаба.

– Воейков... Воейков... не имел чести знать, а вот с полковником Закревским довелось вместе драться при Прейсиш-Эйлау, – сказал Ермолов и тут же с удивлением произнёс: – Но позвольте, разведка в Париже? В моём понимании разведчики – это драгуны или гусары, втихую разъезжающие по тылам врага.

При упоминании о Прейсиш-Эйлау Барклай почувствовал, как больно кольнуло сердце – в этом сражении он едва не потерял руку. А это было бы концом карьеры. Но, не подав виду, пояснил:

– Несомненно драгуны, гусары, казаки – это разведка, тактическая разведка. Но есть ещё и разведка стратегическая.

В это время снова гроыхнуло. Дождь усилился и вскоре превратился в ливень. Густые ветви деревьев уже не защищали, и генералам пришлось искать убежище.

* * *

1 июля 1812 года на военный совет в Дрисский лагерь прибыл Александр I. Его сопровождали ближайшие советники, среди которых своей самоуверенностью и надменностью выделялся генерал Фуль. Среди прибывших были также председатель департамента военных дел Аракчеев, государственный секретарь Шишков и министр полиции Балашов. Руководство 1-й Западной армии представляли её командующий генерал от инфантерии Барклай-де-Толли, начальник главного штаба армии генерал Ермолов, командиры пехотных и кавалерийских корпусов, генерал-интенданты и другие высокопоставленные военачальники.

План генерала Фуля заключался в том, чтобы 1-я Западная армия Барклая-де-Толли отступила от границы в укреплённый Дрисский лагерь, расположенный на левом берегу в излучине Западной Двины. Туда же должны быть направлены ближайшие подкрепления и накоплены значительные запасы продовольствия. 1-я Западная армия, опираясь на этот лагерь, должна была удерживать неприятеля с фронта. В то же время князь Багратион со 2-й Западной армией должен был ударить в правый фланг и тыл французов. Выгоды расположения здесь заключались в том, что река образовывала вогнутый полукруг. По мнению Фуля, если бы французы вздумали овладеть лагерем с фронта, то они непременно разбились бы о его оборону, не достигнув цели.

Однако по другую сторону реки не было воздвигнуто никаких укреплений, не существовало ни одного населённого пункта, пригодного для обороны. А Двина, хоть и была рекой довольно широкой, но в то же время крайне мелкой – такой, что не составило бы труда французам переправиться через неё даже вброд.

Когда Барклай взял слово, вокруг воцарилась тишина. Голос его был твёрдым и решительным – это был голос человека, уверенного в своей правоте.

– Я не понимаю, что мы будем делать с целой нашей армией в Дрисском укрепленном лагере? – говорил Барклай, глядя на Александра I. – После столь торопливого отступления мы потеряли неприятеля из виду и, будучи заключены в этом лагере, будем принуждены ожидать его со всех сторон. Это первое. Второе: Бонапарт не настолько наивен, чтобы подставлять свой фланг под удар армии Багратиона. К тому же армия Багратиона вынуждена свернуть на юг к Бобруйску, поскольку её теснят войска Даву, занявшие Минск. Третье: укрепления лагеря никуда не годны, а времени на их усиление нет. Поэтому предлагаю... – он на секунду смолк, – предлагаю оставить Дрисский лагерь и взять направление на Полоцк и Витебск. Корпус генерал-лейтенанта Витгенштейна должен прикрывать отход.

При словах «оставить Дрисский лагерь», Фуль, которому переводили всё, что говорилось на военном совете, слегка приподнялся с места. В его глазах Барклай увидел не то удивление, не то ужас. Фуль хотел что-то возразить, но Барклай ему это не позволил и продолжил:

– Наша ближайшая цель – соединение с армией Багратиона. Поэтому вынужден ещё раз заявить: лагерь нужно оставить и как можно скорее! – закончил Барклай, снова глянув на сидевшего невдалеке Александра. Тот был бледен и молчал.

Выступившие после командиры корпусов поддержали Барклая. Фуль молчал, он всё ещё не мог прийти в себя: какие-то русские возражали ему, прусскому военному теоретику. Наконец поднялся император. Он производил впечатление ученика, которому лучшие учителя вдалбливают в голову одну и ту же мысль.

– Пусть будет по-вашему, – молвил он и удалился.

* * *

В просторном летнем павильоне, установленном в Дрисском лагере специально для Александра I, теперь после отъезда императора расположился военный министр – он же командующий 1-й Западной армией Барклай-де-Толли. Начатый с утра приём командующих корпусов и дивизий затянулся до позднего вечера. Последним был генерал Витгенштейн.

Склонившись над столом, на котором была просторно раскинута карта северо-западной части России, Барклай пояснял генералу обстановку, связанную с отходом 1-й Западной армии и ближайшие, стоящие перед корпусом задачи:

– 30 июня передовые войска Наполеона из 2-го корпуса Удино подошли к стенам Динабургской крепости, что на Западной Двине, и окружили её. Крепость, как известно, имеет мощные бастионы и артиллерию. 2 июля французы атаковали крепость, но были отбиты гренадёрскими батальонами под командованием генерал-майора Гамена. Спрашивается, зачем Наполеону нужна Динабургская крепость?

– Наверное, затем, что она стоит на дороге, ведущей на Петербург, – ответил Витгенштейн и встретился взглядом с Барклаем; тот утвердительно кивнул.

– Несомненно. Узнав, что французы пойдут на Петербург, я принял решение отступать на Витебск и отвлекать от столицы основные силы армии Наполеона. Далее: моя 1-я армия, как было сказано в докладе государю, пойдёт в сторону Смоленска на соединение с армией Багратиона. Поэтому приказываю вашему 1-му пехотному корпусу остаться на правом берегу Западной Двины между Дриссой и Полоцком и защищать дорогу на Петербург. В вашем распоряжении всего две пехотные дивизии: 5-я и 14-я и три полка кавалерии. Вам противостоят два корпуса: Удино и Макдональда. В корпусе Удино 28 тысяч, у Макдональда 30-тысячное войско. Итак, задача ясна?

Витгенштейн задумался, потом негромко произнёс:

– Получается, мой корпус в количестве 20 тысяч штыков и сабель будет противостоять французам, почти втрое превосходящим нас по численности... Скверно...

– Можете рассчитывать на пополнение из губернских ополченцев.

– Всё равно скверно. При всём моём уважении к ополченцам они далеки от тех воинов, на которых можно положиться.

Барклай-де-Толли прошёлся взад-вперёд по просторному холлу павильона; остановился и смерил взглядом стоявшего в задумчивости Витгенштейна:

– Милейший Пётр Христианович, прощаясь со мной, государь сказал: «Вверяю вам свою армию. Другой у меня нет». Я готов сказать вам нечто схожее: вверяю вам свой корпус. Другого у меня нет.

Несколько секунд обдумав, Витгенштейн решился и спросил:

– Выступая перед государем, вы сказали, что мой корпус будет прикрывать отход 1-й армии. Но ни словом не обмолвились о защите дороги на Петербург. Это неслучайно?

Чуть заметная усмешка на лице военного министра тотчас сменилась твёрдым взглядом:

– Ни в коей мере! О вашей миссии по защите дороги на столицу знают только я и Ермолов. И слава богу... Наполеон, конечно, догадывается, но не ведаёт, какими силами. Да и вокруг государя много разного рода чиновников. Кто знает, не окажется ли доклад одного из них о наших замыслах на столе у Даву, а то и у самого Бонапарта.

– Вы хотите сказать, что Даву не только полководец, но и...

– Нет-нет, милейший Пётр Христианович. Даву в первую очередь полководец, но до недавнего времени курировал французскую разведку в России. А возглавлял её некто Биньон, который по сравнению со своими предшественниками работал неплохо. Ещё в декабре прошлого года Биньон получил инструкцию, на основании которой его разведывательной службе – назовём её бюро – поставлены задачи отслеживания перемещения наших войск, допрос дезертиров, пленных, перлюстрация и перевод захваченных бумаг.

– ...простите, перлюстрация это...

– ...тайное вскрытие пакетов, писем и им подобных. Умеющих это делать единицы. Постараюсь, чтобы и в вашем штабе был такой человек, назовём его... назовём его офицер для особых поручений, – пояснил Барклай и продолжил: – Ближайшие помощники Биньона – это четыре офицера, хорошо знающие языки и следящие каждый за своими агентами в России, Прибалтике, Малой и Белой Руси. Даву курировал также и разведку герцогства Варшавского, которая действует в интересах французов.

Закончив, Барклай внимательно посмотрел на Витгенштейна, словно оценивал, насколько сказанное им произвело впечатление на генерала, и попытался:

– Согласитесь, я правильно поступил, что на совете не упомянул о защите вашим корпусом дороги на Санкт-Петербург?

Витгенштейн в знак согласия утвердительно кивнул и вдруг словно спохватился:

– Но позвольте, ваше сиятельство, у вас весьма обширные сведения относительно наших противников. Это говорит о том, что и у России...

– ...правильно, и у России тоже есть военная разведка. Кстати, – Барклай кивнул в сторону входной двери, – а вот и её начальник.

Стоявший в дверях человек дружелюбно смотрел на Петра Христиановича. В его внешности не было ничего особенного: среднего роста, полноватый, круглолицый, с заметными залысинами на фоне тёмных волос. Впрочем, нет – было: рука как-то неестественно подпирала левый бок; возможно, последствия ранения.

– Мой старший адъютант полковник Закревский Арсений Андреевич. Он же начальник Особенной канцелярии, точнее – руководитель военной разведки, – представил его Барклай. – Прошу любить и жаловать.

Закревский склонил голову в поклоне, а командующий 1-й армией продолжил:

– Не менее важной является и контрразведывательная служба, которая возложена на военную полицию. Указом государя-императора её возглавляет действительный статский советник де Санглен Яков Иванович. Он здесь же, в армии. Поэтому не далее как завтра я

вам его представлю. А перед отъездом из этого, никому не нужного Дрисского лагеря, вам, Пётр Христианович, будет также представлен офицер, который возглавит и разведывательную, и контрразведывательную службы в вашем корпусе. Оказывайте ему всяческое содействие.

Договорив, Барклай посмотрел на большие, висевшие на стене часы, которые каждый час давали о себе знать переливающимся звоном:

– Прошу извинить, господа... дела... Оставляю вас наедине. Надеюсь, вам будет, о чём поговорить.

* * *

Скрестив руки на груди, Никола-Шарль Удино стоял у окна и смотрел вдаль. Который день он не находил себе места: уж лучше кровопролитное сражение, чем эта тягомотина под названием ожидание. Когда он нервничал, его и без того бледное лицо на фоне рыжеватых волос и бакенбард казалось совсем бескровным, как у больного после тяжёлого недуга. Ну, прочему, почему император медлит, не присылает курьера с приказом о начале выступления в сторону Петербурга? Бесспорно, Бонапарт с главным войском через пару месяцев займёт Москву. Но он, Удино – маршал Франции, герцог Реджио, – должен занять Петербург ещё раньше, ведь Петербург столица Российской империи!

Вспыльчивый по характеру, Удино едва не подопнул стоявший рядом табурет... Достал трубку, набил табаком и быстро раскурил. Прошёлся по комнате, в центре которой стоял массивный стол с расположенными на нём топографическими картами. Это его немного успокоило. Удино коллекционировал курительные трубки, хотя сам курил не часто – в основном в часы душевного волнения.

Просторная комната на втором этаже особняка, который Удино занимал со своим штабом, наполнилась ароматом турецкого табака. В этом же особняке находились личные покои маршала, любезно предоставленные городским градоначальником графом Грабовским, дом которого стоял рядом.

Но тяжёлые мысли касались не только времени начала наступления на Петербург. Его сводно-гренадёрская дивизия, усиленная ныне до корпуса, отличилась во многих боях, в первую очередь в знаменитых победных сражениях под Амштеттенем, Аустерлицем и Фридландом. Но под Амштеттенем она входила в состав авангарда Мюрата, а в сражениях под Аустерлицем и Фридландом – в состав корпуса Ланна. Здесь же, на Петербургском направлении, ему, маршалу Удино, придётся действовать самостоятельно. Получится ли?

Свою самостоятельность он уже проявил несколько дней назад при попытке захвата Динабурга. И получил...

Крепость в Динабурге начали возводить в 1810 году, с целью прикрыть переправу через Западную Двину на пути в Петербург. Здесь же должны были храниться запасы для северо-западной группировки русских войск и размещаться её тыловые подразделения. Несмотря на то, что к войне бастионы не достроили, крепость представляла немалую силу: гарнизон насчитывал 2500 человек при 80 пушках и мортирах.

Отход 1-й Западной армии к Дрисскому лагерю открыл французам подступ к крепости, и 1 июля войска Удино прямо с марша пошли в атаку. Кавалерийский полк повёл в атаку сам Удино. Напрасно маршала убеждали, что кавалеристы не могут атаковать крепость, двигаясь по двое по качающемуся понтонному мосту и под неприятельским огнём. В итоге французы оказались под артобстрелом с фронта и тыла, испуганные лошади прыгали в реку. И лишь тогда Удино дал приказ к отступлению. Бой обошёлся серьёзными потерями, и все надеялись, что маршал сделает из этого выводы, тем более, что инструкции Наполеона не предписывали захват Динабурга. Но в последующие два дня Удино делал новые попытки овладеть крепостью. И снова защитники отбила все атаки. Лишь в ночь на 4 июля, получив приказ Наполеона отсту-

пить от Динабурга, Удино, потерявший трое суток и несколько сот человек убитыми, ранеными и пленными, отошёл от крепости. Первая самостоятельная операция закончилась для него неудачей. Получится ли на этот раз?

К чёрту мрачные мысли – теперь получится! У противостоящего ему корпуса Витгенштейна сил в 2 раза меньше. А ещё войска Макдональда, расположенные на рубеже Рига – Динабург, обойдут русских с севера и замкнут кольцо. Витгенштейну ничего не останется, как сдаться.

Всё получится, обязательно получится! Главное – император верит в него, знает боевые качества Никола-Шарля Удино, в первую очередь – храбрость. Удино вспомнил, как в разгар сражения под Фридландом в расположении его дивизии появился сам Наполеон. Он, Удино, тогда ещё бригадный генерал, встречал своего императора. Встречал в таком виде, который красноречиво говорил о происходящем ожесточённом сражении: лицо в пороховом дыму, мундир изодран в нескольких местах; полуоторванный эполет едва держится на пуговице. Первое, что он сказал, точнее, прокричал императору, было:

– Отъедьте, сир, здесь вам не место! Я не хочу, чтобы вы привлекали пули. Достаточно меня одного.

– Удино, – произнёс Наполеон, восхищённый храбростью генерала, – повсюду, где вы находитесь, я опасаюсь только за вас. Но сегодня вы превзошли себя, вам необходим отдых. Дальше начинается моя игра, и я завершу дело!

Успокоившись воспоминаниями, Удино снова подошёл к окну. Вгляделся. Единственное, что ему нравилось в этом городке по имени Полоцк, так это церкви. Особенно они были хороши в лучах заката или восхода, когда купола зажигались золотистым огнём. Удино вспомнил родной Бар-ле-Дюк, тоже небольшой городок, окружённый виноградниками, где отсчитывают века каменные постройки во главе с собором Святого Стефана. В городке вход в один из отелей украшает его бюст, а горожане передают из уст в уста рассказы о славных похождениях своего земляка. Интересно, как там мать, отец?

Он был единственной надеждой и утешением родителей, поскольку все его сёстры и братья умерли в младенчестве. Наверное, отец по-прежнему занимается пивоваренным делом. Не сбеги он, молодой Никола Удино, из дома в 1789-м, памятном для французов году, и не запишись добровольцем в Национальную гвардию, варить бы ему, ныне маршалу Франции, пиво и по сей день.

Но больше всего из родных и близких Удино скучал по своей молодой жене. После смерти первой жены Удино женился во второй раз на Мари Шарлотте де Куси, представительнице древнего аристократического рода. Она была молода и недурна собой. Правда, Удино сначала предполагал женить на ней своего старшего сына, но Мари Шарлотта оказалась настолько очаровательной, что пленила маршала. По-видимому, и он произвёл на неё впечатление, раз она согласилась выйти за него замуж. Свадьба состоялась в 1812 году, незадолго до начала похода в Россию.

Вошедший полковник Дюран вернул Удино из далёкого Бар-ле-Дюк на белорусскую землю.

– Что у вас, Дюран? – попыхивая трубкой, спросил Удино своего адъютанта.

– С провиантом и фуражом дела обстоят плохо.

– Это почему?

– По деревням рыскают интенданты, которые выгребают запасы у крестьян, чтобы накормить свои роты и батальоны. А брать уже особо нечего. До нас здесь похозяйничали русские.

– Что делать, Дюран, это война.

– Местные крестьяне ждали от нашего императора отмены крепостного права, вольностей, а получили разграбление своих дворов.

Удино резко повернулся:

– Не нам с вами, Дюран, учить императора! Он лучше знает, что делать.

Дюран молчал; маршал Удино, выпустив струю табачного дыма, продолжил:

– А местные евреи... Или, как их тут называют – жида? Тоже не хотят давать провиант и фураж?

– Жида нас не любят. Это потенциальные союзники русских.

– Но почему? Что мы им плохого сделали?

– Мы – ничего. А не любят они нас потому, что на нашей стороне воюют поляки, которые их притесняют и которых они ненавидят.

Удино прошёлся по комнате; правое, раненное несколько лет назад плечо нервно подёргивалось.

– Всё верно. Как говорят арабы: друг моего врага мой враг. – Он положил трубку на широкую мраморную пепельницу и негодующим голосом произнёс: – Так, чёрт возьми, заплатите жидам не расписками, а ценностями! У Конти хорошие запасы. Кстати, где он? Прошло два дня, а о нём никаких известий.

Дюран молчал: сведений об интенданте корпуса полковнике Конти не было. Конти пользовался благосклонностью самого Пьера Дарю – главного интенданта армии и занимался изъятием ценностей у населения Белоруссии, в первую очередь из православных храмов.

В это время на пороге появился слуга Пилс. Удино, не терпевший появления кого бы то ни было из подчинённых без предварительного стука в дверь, хотел было дать волю гневу, но Пилс его опередил:

– Мой маршал, вам письмо.

Взяв в руки конверт, Удино сразу обмяк и повеселел: письмо было от его любимой Мари Шарлотты. Показав знаком Дюрану и Пилсу удалиться, Удино быстро распечатал конверт. Мари Шарлотта писала, что очень скучает и намерена отправиться к нему, своему мужу, в армию. Вот только не знает, куда.

Удино дважды перечитал письмо и тотчас сел за ответ. Как куда: не в эту же «дыру» под названием Полоцк... В Петербург, только в Петербург! В столицу Российской империи, куда совсем скоро войдут войска Великой армии под предводительством маршала Удино!

* * *

К началу июля 1812 года столица Российской империи Санкт-Петербург переживал не лучшие времена. Русские войска, растянутые почти на 500 км и значительно уступавшие противнику в численности, отходили почти без боёв. Основные силы французской армии двинулись на Москву, которую Наполеон называл «сердцем России». Но у России кроме «сердца» была ещё и «голова», коей являлся Санкт-Петербург. Для захвата «головы» Наполеон выделил ровно столько сил, сколько считал нужным. В успехе он не сомневался. Да и как тут сомневаться, когда, по данным разведки, корпус Витгенштейна, призванный защищать дорогу на Петербург, значительно уступал по численности проверенным в победных боях войскам Удино и Макдональда.

Опасность захвата столицы стала реальной, и император Александр I стал готовить город к эвакуации. Эвакуации подлежали: Государственный совет, Сенат, Синод, ценности Эрмитажа и Александро-Невской лавры, Императорские: Публичная библиотека, Академия наук и Академия художеств и даже памятник Петру I, который Наполеон после взятия Петербурга собирался отправить во Францию. Особое внимание уделялось эвакуации архивных документов. С начала июля в Петрозаводск, Повенец и Вытегру на речных казённых и частных судах были вывезены все документы государственной важности.

Император распорядился прекратить балы и прочие увеселения, и семьи дворян-аристократов из столичных особняков заспешили в свои имения, потянув за собой длинные обозы с

предметами роскоши и домашним скарбом. Царская семья готовилась к переезду в Казань. Не успевшее уехать из столицы население предполагалось эвакуировать на правый берег Невы, на Васильевский, Крестовский, Каменный и другие острова, а также на Выборгскую сторону. На правый же берег и на острова намечалось переправить всё находившиеся в лавках и лабазах Петербурга продовольствие, а также все барки и лодки, чтобы затруднить переправу французов.

Эвакуация града Петрова шла ускоренным темпом.

Но руководство России думало не только об эвакуации. Александром I и правительством было принято решение о создании народного ополчения. В предельно короткие сроки в 16 центральных губерниях были сформированы ополчения, ставшие серьёзными источниками пополнения действующей армии. Одним из самых подготовленных и организованных станет ополчение (земское войско) Санкт-Петербургской губернии.

...Известие о вторжении наполеоновских войск в Россию застало Кутузова в его поместье Горошки Волынской губернии. Он был в отставке, но, несмотря на то, что его не приглашали, надел генеральский мундир и выехал в Петербург.

Но о нём не забыли. Вскоре князь Голенищев-Кутузов был приглашён в комитет министров, на заседании которого присутствовал и Александр I. Император, недолголюбивавший Кутузова, на этот раз искренне обратился к нему: «Воинские ваши достоинства и долговременная опытность вселяют полную надежду, что вы совершенно оправдаете сей новый опыт моей доверенности к вам».

Решение о создании ополчения Петербурга и Петербургской губернии было принято и на дворянском собрании. Растроганный доверием, Кутузов приехал в дворянское собрание, вошёл в большой зал, где его терпеливо ждали, и со слезами на глазах произнёс: «Господа, многое хотел говорить... скажу только, что вы украсили мои седины!» В 1812 году Кутузову исполнилось 67 лет. Но, несмотря на возраст, Александр I официально возложил на него не только создание ополчений Петербургской и Новгородской губерний, но и командование сухопутными и морскими силами Петербурга, Кронштадта и Финляндии.

Историческая справка

Кутузов приступил к организации обороны Петербурга. Был сформирован специальный воинский корпус, произведена передислокация войск на самых опасных направлениях, усилено их инженерное оборудование, пополнены припасы, начато строительство новых оборонительных укреплений. Одновременно шла работа по формированию ополченского войска.

Как и в Москве, в Петербурге решили брать в ополчение 10 из каждых 100 человек населения. Но желающих оказалось больше. С раннего утра до позднего вечера приходили в дворовую палату крестьяне, дворовые люди, чиновники, ремесленники, студенты с просьбой записать их в ополчение.

Известность, высокий авторитет Кутузова позволили в короткие сроки создать Петербургское ополчение. По его предложению было образовано два комитета: Устроительный и Экономический. Устроительный занимался приёмом ополченцев, формированием дружин, их военной подготовкой; Экономический – снабжением ополченцев оружием, обмундированием, приобретением средств передвижения, сбором пожертвований от населения.

Петербургское ополчение, в отличие от Московского, делилось не на полки, а на дружины, в каждую из которых зачислялись ополченцы одного уезда. Дружина состояла из 4-х сотен, а сотня – из 200 ополченцев. Всего было сформировано 15 дружин.

Петербургское ополчение было лучше скомплектовано и обучено, чем другие. Кутузов добился получения из арсенала 10 тысяч ружей, размещения ополченских дружин в Измайловских казармах, выделения из учебных гренадёрских батальонов 80 человек старослужащих офицеров, солдат и барабаничников для организации и обучения ополченцев. Для всех ополченцев вводились правила фронтового обучения, разработанные лично Кутузовым в «Положении о Петербургском ополчении».

* * *

Бравый офицер в чине капитана внимательно наблюдал за действиями, происходящими на плацу, где несколько отставных военных показывали будущим воинам-ополченцам, как правильно заряжать ружья, стрелять и действовать штыком. Чуть в отдалении небольшая колонна училась маршировать в ногу. Но если бы кто-нибудь внимательно понаблюдал за самим офицером, он отметил бы на его загорелом лице печать как гордости, так и грусти. Объяснялось это просто: гордость была за свой народ, вставший на защиту Отечества, а грусть... война идёт, а он, артиллерист и военный инженер, даже ещё не слышал грома своих пушек.

Постояв несколько минут, офицер вышел двором, пересёк несколько улиц и очутился на набережной Невы у Летнего сада. Столица империи по-прежнему пленяла красотой. Он долго смотрел на неторопливые невские воды, на мосты, под которыми они прокладывали свой путь, на шпиль Петропавловского собора и крепость, на здания в строгом стиле на противоположном берегу, освещаемые июльским солнцем. Достал из кармана кителя часы – карманные часы в Европе входили в моду, а для России это была новинка. Нажал на кнопку – крышка часов плавно открылась. Часы показывали ровно половину первого. До назначенной встречи оставалось больше часа, и он мог спокойно любоваться всем вокруг, погружаться в свои мысли и воспоминания.

В Петербурге он не был почти два года и ощутил, что нынешний Петербург только внешне похож на тот, двухгодичной давности. Те же дворцы, те же набережные из серого гранита, а вот люди... Он никогда бы не подумал, что в местах, где раньше прогуливались нарядные парочки, где вели беседы улыбочивые дамы и кавалеры, ныне станут обучать крестьян, мещан и студентов военному делу, а из-за оград дворцов будут слышны возгласы спешно собирающихся в дальнюю дорогу петербуржцев.

Мимо прошла пожилая женщина, очевидно, няня, державшая за руку мальчика лет семи, в летнем костюмчике и шляпке с бантиком. Глядя на них, офицер вспомнил и своё детство: мать, отца... Их он часто вспоминал, будучи в Европе. Хотелось написать отцу из Неаполя, Милана, Парижа, Берлина, но... нельзя, ведь он был там под чужим именем. Ему вдруг захотелось, как в сказке, хоть на часок перенестись из северного Петербурга на юг, в скромное отцовское имение в Херсонской губернии. Первым делом он поклонился бы могиле матери... Интересно, как отец, справляется ли с хозяйством? А Марфа Андреевна, его достопочтенная супруга? Всё тешит себя мыслью выдать свою дочь за него, Ярцева-младшего?

...Резкий скрип, переходящий в скрежет, прервал его мысли. Ярцев обернулся. Запряжённая двойкой лошадей карета «застыла» на петербургской мостовой. Покосившееся набок переднее колесо наглядно говорило о причинах остановки.

Женский крик заставил Ярцева быстро подойти к потерпевшему аварию экипажу. Не без труда раскрыл он дверцу кареты, подал руку, помогая выйти перепуганной молодой женщине, а затем другой, постарше, очевидно, служанке. Пока женщины приходили в себя, бородатый кучер в старом солдатском френче без погон молитвенно произнёс:

– Господин капитан, век буду благодарствовать, если подсобите...

– Помощь заключалась в том, чтобы приподнять покосившуюся карету и придержать, пока возчик не заменит колесо.

Ярцев снял перчатки, напрягся. Держать пришлось минуты три, за которые он успел задеть правой рукой обо что-то острое и порезаться.

– Вашей силе стоит позавидовать, – услышал он за спиной певучий голос.

– И не такое приходилось поднимать, – устало отреагировал он на похвалу, придерживая платком порезанное место, и тут же, спохватившись, по-армейски выпрямился и кивком головы отвесил поклон. – Честь имею представиться: капитан артиллерии граф Ярцев Павел Петрович!

Они стояли друг против друга. Хозяйка кареты была очень хороша собой: золотистые локоны, загадочный, с едва заметным прищуром, взгляд голубых глаз...

– Графиня Мазовецкая. – Она сделала реверанс, протянула руку для поцелуя и тут же, как бы невзначай, спросила. – И где же служит граф, если не секрет?

– Финляндский корпус, 6-я пехотная дивизия, 6-я артиллерийская бригада, – отрекомендовался он, указав, разумеется, старое место службы.

– Финляндский... Финляндия... это, наверное, далеко от Петербурга?

– Если речь идёт о приятном знакомстве с дамой, то расстояние не имеет никакого значения, – улыбнулся Ярцев.

Тёмно-лиловое платье с длинными рукавами, небольшая шляпка того же цвета с белым бантом – одного взгляда Ярцеву было достаточно, чтобы понять: наряд незнакомки предназначен для путешествий и поездок в экипаже и совсем не походил на требования женской моды в античном стиле для приёмов, балов и прогулок. А дорогая кашмирская, бирюзового цвета шаль с цветной каймой говорила о том, что её хозяйка принадлежит к высшему сословию.

– О, граф, да вы ранены! – спохватилась она.

Действительно, из-под правой перчатки Ярцева сочилась кровь. Очевидно, поднимая карету, он серьёзно порезал руку.

– Снимите перчатку, граф, – скомандовала Мазовецкая, и в руке её появился небольшой кружевной платок с четырьмя алыми розами по углам. – Вот, возьмите...

Порез был неглубокий, но, очевидно, задел кровеносный сосуд, и кровь сочилась весьма обильно. Ярцев поблагодарил, взял платок и попытался наложить что-то вроде жгута; но сделать это одной рукой не получалось.

– Я помогу вам, – прозвучал мягкий голос Мазовецкой.

Она, насколько позволял платок, обвязала ему кисть руки и затянула узлом. Только после этого он с большим трудом надел перчатку.

– Благодарю графиня, – улыбнулся Ярцев. – Жаль, что я не порезал другую руку.

– Вот как? – испугалась она. – Отчего такие мрачные мысли?

– Если бы я порезал свою левую ладонь, вы, не сомневаюсь, тоже взяли бы перевязывать её мне. И я несколько секунд дольше ощущал бы запах ваших очаровательных духов. Сознаетесь, парижская фирма «Любен»?

Услышав такое, она рассмеялась:

– Вы очень проницательны, граф. И к тому же большой мастер говорить дамам комплименты.

Ярцев молча поклонился.

Возчик тем временем колдовал над процедурой замены колёс.

– Долго ты ещё, братец? – спросил его Ярцев в надежде, что процедура закончится нескоро.

– Минут двадцать придётся повозиться, – отозвался возчик.

Улыбнувшись новоявленной знакомой, Ярцев опять склонил голову в поклоне:

– В таком случае, графиня, не будете ли вы столь любезны, чтобы уделить скромному капитану несколько минут для прогулки по этой прекрасной набережной?

– С удовольствием, граф. Набережная действительно прекрасна, чего не скажешь о петербургских мостовых.

– Вы где-то видели лучше?

Мазовецкая не ответила, и это Ярцеву показалось странным. Несколько шагов проделали молча, потом он спросил:

– Держу пари, ваш отъезд связан с приближением французов?

Похоже, и на этот вопрос она не хотела отвечать, но всё-таки он услышал:

– Да... я удаляюсь в своё имение в Тверскую губернию. Но... как вы это определили?

– О, это несложно. Достаточно взглянуть на обилие тюков и чемоданов на заднем сиденье кареты. Да и запасное колесо говорит о том, что вы собрались в долгий путь.

Мазовецкая остановилась и с интересом посмотрела на него:

– Вы удивительно наблюдательны, граф.

В её словах Ярцев почувствовал скорее упрёк, чем комплимент. Он хотел что-то добавить, но она его опередила:

– А, вон и Казимир заменил колесо. Как ни печально, граф, пришло время расстаться. Но я очень рада знакомству. Думаю, мы ещё увидимся.

...Провожая взглядом удаляющуюся карету, Ярцев вспомнил про предстоящую аудиенцию. Достал свои карманные часы: в его распоряжении были двадцать две минуты. Быстрым шагом направился он к знакомому дому Военного министерства.

* * *

У дома Военного министерства, а по-старому министерства военно-сухопутных сил, всё происходило, как два года назад: тот же парадный подъезд, тот же дежурный офицер, та же дверь в кабинет начальника Секретной экспедиции, и также никакой таблички на двери. И вот сам начальник... Стоп! Ярцев опешил: в знакомом просторном кабинете за столом сидел не полковник Воейков.

Большой лоб, залысины, нижняя губа слегка выдвинута вперёд... а взгляд изучающий, даже насмешливый какой-то... Ба! Да это же...

– Неужто не признал? – сидящий за столом резко встал и двинулся навстречу; рука полковника Закревского подпирала левый бок – последствия ранения.

– Арсений Андреевич! – воскликнул Ярцев и, увидев, что перед ним полковник, смутился. – Ваше высокоблагородие...

– Да ладно тебе, – Закревский первым подал руку. – Тогда близ Оровайса мы были на волоске от смерти и говорили друг другу «ты».

– Но тогда вы были штабс-капитан, а я поручик.

– Правильно, были. Сейчас я полковник, а ты капитан. И что из этого? Погоди, доведётся и тебе надеть мундир полковника. Я же, брат, вращался сам знаешь где. – Закревский для убедительности поднял указательный палец вверх. – А там чины получать проще.

Служивцы Закревского уважали. При несомненной строгости в служебных делах он был привлекателен в личном общении: любил поболтать, пошутить над кем-нибудь, но сам не обижался на шутки. И ещё: он был скромен, о своих боевых заслугах говорил редко. Да, он вращался, как это принято говорить, в высоких сферах – был адъютантом у генерала Каминского, которого спас в битве при Аустерлице, был адъютантом у Барклая-де-Толли. Но в то же время имел многочисленные награды за храбрость в различных сражениях, был дважды ранен, дважды контужен.

Предложив сесть, Закревский позвонил колокольчиком. Вошёл дежурный офицер:

– Чаю изволь подать.

После того как дежурный ушёл, Закревский негромко произнёс, обращаясь к Ярцеву:

– Признайся, удивлён, увидев меня на месте Воейкова?

– В немалой степени... Позволю задать вопрос: почему?

– Долго рассказывать, да и время поджимает. Скажу только, что это было связано с отставкой Сперанского, а Воейков с ним был связан. Так что я теперь имею честь быть начальником Особенной канцелярии при военном министре, – Закревский лукаво усмехнулся. – Ты не против?

– Никак нет.

– Ну и отлично. По правде сказать, я здесь ненадолго. Все наши агенты из Особенной канцелярии, – Закревский сделал паузу и посмотрел на удивлённое лицо Ярцева, – так теперь называется наша служба; два года назад, когда ты уезжал, она называлась Секретная экспедиция... Так вот все её работники в действующей армии. Я утренней лошадкой отбываю в 1-ю Западную армию к генералу Барклаю-де-Толли. Кстати, он читал твои донесения из Европы и остался доволен, особенно тем, что касается артиллерии и инженерных сооружений французской армии. Велел передать благодарность.

– Благодарю. – Ярцев поднялся. – Весьма польщён!

Похоже, Закревский хотел добавить к сказанному что-то ещё, но Ярцев не смог удержаться:

– Значит, и я отправлюсь в свой Финляндский корпус?!

Как ему хотелось вернуться к своим, увидеть Граббе, Петушкова и «самого» Гогнидзе. Но Закревский строгим голосом, перейдя на «вы», остудил его горячие устремления:

– Нет! Вам, капитан Ярцев, надлежит прибыть в штаб корпуса генерала Витгенштейна, где вы поступаете в распоряжение полковника Мещерина. Согласно замыслу командования, в задачу корпуса входит прикрывать дороги, ведущие к Петербургу. Впрочем, для вас это не ново. В одном из ваших донесений говорилось, что направление на Петербург Наполеон рассматривает как стратегическое, наравне с Москвой. Так?

– Так точно.

– Кстати, как вам удалось это установить?

– Человек, которого я завербовал, занимался изготовлением и корректировкой топографических карт для французской армии. Последний раз я видел его два месяца назад в Берлине. К этому времени на картах уже были обозначены направления движения войск.

– Bravo! Именно благодаря таким заслугам вы отбываете не просто в 1-й пехотный корпус генерала Витгенштейна, а в маленькую самостоятельную армию, защищающую нашу столицу. Кстати, о картах, естественно топографических.

Закревский достал из шкафа свёрнутую в несколько раз большую карту и разложил на полу кабинета – стол для такой карты был существенно мал. Затем достал ещё одну такую же и разложил рядом:

– Перед тобой два варианта топографической столистой карты Российской империи и близлежащих заграничных владений. Карты в масштабе 20 вёрст в 1 дюйме изготовило Собственное Его Императорского Величества Депо карт. Схожие карты выпускались ещё в 1805 году. А эти карты особые. Раз ты вербовал француза – составителя карт, значит, должен в них разбираться. Посмотри внимательно.

Ярцев несколько минут рассматривал карты, пораженные своей величиной.

– Особые они, наверное, потому, что на них нанесены военные объекты: крепости, склады, мосты...

– Правильно. А теперь приглядишься ещё более внимательно: есть между ними двумя различия?

Ярцев снова стал рассматривать карты, думал, анализировал:

– Похоже, есть... Даже можно точно сказать, что есть!

– Правильно. Вот только та, что справа, фальшивая, а слева – настоящая.

– Как прикажете понимать?

– Мы пустили слух, что Депо карт к 1812 году выпустит обновлённый вариант карты специально для военного министерства. Что, по-твоему, стали делать французы?

– Французы? Ну, конечно же попытались выкрасть такую карту.

– И снова правильно. Ну а мы что должны были делать?

– Мы? Подсунуть фальшивку.

– И опять правильно. Ты мыслишь не только как разведчик, но и как контрразведчик. Именно так мы и сделали, подсунули фальшивку. У французского посла Лористона шпионской деятельностью в Петербурге руководил некто барон Клеман. Запомни это имя. Мир тесен, вдруг придётся свидеться. Мы за ним давно следили. Так вот: он якобы завербовал человека из Депо карт и хорошо заплатил ему за медные оттиски такой столитовой карты. Естественно, фальшивой, хотя эту фальшивку мы готовили так, что многое, кроме военных объектов, соответствовало действительности. Поэтому не удивлюсь, если в данный момент Бонапарт глядит вот в эту, – Закревский рукой указал на карту справа, – только с названиями, переведёнными на французский. Каково, а?.. Может быть, твой завербованный француз наносил направления ударов их армии на краденную у нас карту-фальшивку?

Закревский с Ярцевым рассматривали карты, опустившись на колени, что вызвало недоумение дежурного офицера, принесшего чай.

– Спасибо, брат, ступай... – Закревский отпустил его и поднялся. Ярцев последовал его примеру.

После того как они выпили по стакану чая, начальник Особенной канцелярии подвёл итог:

– Как видишь, граф, печатная продукция в военном деле вещь далеко не последняя. А поэтому отбываешь в корпус Витгенштейна не с пустыми руками.

После этих слов Закревский пригласил Ярцева в небольшую комнату, что примыкала к его кабинету. Там царил полный бедлам: на полу лежали обвязанные верёвками тюки не то листовок, не то каких-то афишных объявлений; также всюду валялись обрывки бумаги, картона; пахло свежей типографской краской. На середине комнаты стоял единственный стол. А вот на нём царил порядок в виде нескольких, аккуратно сложенных стопок, состоящих из отпечатанных листов. На верхнем первом листе каждой стопки красовалась яркая надпись, сделанная чёрной краской.

Закревский взял один листок из ближайшей стопки, протянул Ярцеву:

– Вот, изволь взглянуть.

Ярцев осторожно взял листок. Там говорилось:

«Немцы! Зачем вы воюете с Россией, перешли её границы, вражески относитесь к её народонаселению, тогда как в продолжение многих столетий она постоянно находилась в дружеских к вам отношениях, принимала к себе тысячи ваших соотечественников, вознаграждала их дарования и поощряла их занятия торговлей и промыслами?»

– Воззвание к немцам составлял лично Барклай-де-Толли, – прокомментировал Закревский. Отпечатано 10 тысяч экземпляров.

Ярцев продолжал читать. Далее говорилось, что война Наполеона с Россией грозит немцам гибелью. В то же время Барклай-де-Толли призывал их вспомнить о своей национальной гордости. Пустыми словами эта прокламация не заканчивалась. Для тех, кто перейдёт на сторону России в этой войне, предполагалось создать немецкий легион, который должен был возглавить один из государей раздробленной Германии.

Ярцев дочитал, задумался. Начальник Особенной канцелярии, наблюдая за его выражением лица, пояснил:

– Наш человек, работавший в Пруссии, доносил следующее. – Закревский достал из лежащей на столе папки два листка: – Вот, изволь ознакомиться. Занятно...

Сообщения были следующего содержания:

«В Пруссии говорят, что все отставные и находящиеся в подвижном войске прусские офицеры желают перейти в Россию, но встречают многие препятствия в позволении, почему стараются под разным одеянием переходить границу.

Жители прусские сильно раздражены против французов, молят Бога о ниспослании русскому оружию счастья и желают, дабы Император Российский присоединил их землю к своей...»

Об авторе сообщений Закревский, естественно, умолчал. Ни в нынешние времена, ни в те далёкие имена разведчиков не разглашались, даже их товарищам по службе. А сообщения из Пруссии в Особенную канцелярию отправлял подполковник Чуйкевич. Пётр Андреевич Чуйкевич, как разведчик, сыграл ведущую роль в разработке стратегии ведения войны с Наполеоном.

Чуйкевич подготовил записку, которую озаглавил «Патриотические мысли или политические и военные рассуждения о предстоящей войне между Россией и Францией». В этом документе подводился итог анализа разведывательных сведений, поступивших от русских военных агентов и давались рекомендации русскому командованию. Чуйкевич не только внимательно изучил состав французской армии, но и оценил стратегию Наполеона. Чуйкевич пришёл к выводу о том, что Наполеон, навязывая противнику генеральное сражение, пользуется мощью своей армии и наносит ему существенное поражение. В своей записке Чуйкевич предлагал избегать генерального сражения и навязать Наполеону бой тогда, когда ему это будет невыгодно. Чуйкевич пишет:

«Гибель русской армии в генеральном сражении против французов могла бы иметь пагубные для всего Отечества последствия. Потеря нескольких областей не должна нас устрашать, ибо целостность государства состоит в целостности его армии... Уклонение от генеральных сражений, партизанская война летучими отрядами, особенно в тылу операционной неприятельской линии, недопущение до фуражировки и решительность в продолжении войны: суть меры для Наполеона новые, для французов утомительные и союзниками их нетерпимые».

Ярцев дважды перечитал записку. Ценность записки подполковника Чуйкевича состояла в убедительном обосновании необходимости отступления русской армии до момента достижения равенства сил.

– Военный министр Барклай-де-Толли внимательно изучил записку и высоко её оценил. Думаю, именно так мы и будем воевать с Бонапартом, – заключил Закревский и довольный тем, что её содержание, а также листовка для немцев произвели на капитана Ярцева впечатление, достал ещё одну листовку, но из другой пачки. – А вот это для французов.

Листовка, обращённая к французским солдатам, призвала прекратить военные действия и вернуться на родину.

– Но для тебя, наверное, самым интересным будет обращение к итальянцам, ведь ты по матери итальянец? – и Закревский протянул следующую листовку, которую Ярцев едва не выхватил из рук. Хорошо знакомые слов и выражения заставили его быстро прочесть:

«Итальянские солдаты! Вас заставляют сражаться с нами; вас заставляют думать, что русские не отдают должной справедливости вашему мужеству; нет, товарищи, они ценят его, и вы убедитесь в этом при

сражении... Не обманывайте себя относительно наших первых движений; вы слишком хорошо знаете русских, чтобы предположить, что они бегут от вас».

Далее для убедительности Закревский показал Ярцеву схожие листовки, с обращением к испанским и португальским воинам наполеоновской армии.

– Так что те, кто думает, что пули, ядра, пушки и сабли главное, а листовки, воззвания и прочие бумажные прокламации – чепуха, ошибаются, – подытожил Закревский и кивнул рукой на стол. – Это оружие не менее грозное. В армии Бонапарта почти половина не французы, и наша задача их отсечь, а ещё лучше перетянуть на свою сторону. Такие, брат, дела...

* * *

Начальник Особенной канцелярии полковник Закревский в своих рассуждениях был прав. Война 1812 года между Россией и Францией велась не только на поле боя. Помимо военных и дипломатических столкновений, разведывательных и контрразведывательных операций была организована и агитационная деятельность в рядах противника.

Историческая справка

В 1807 году император Александр I повелел высочайшим указом при всех губернских правлениях завести типографии и положить на их содержание ежегодную сумму. К началу войны в одном только Петербурге насчитывалось около полутора десятка типографий, как казённых, так и частных. Но была среди них особенная – походная типография Кайсарова.

В самом начале войны в Петербурге в главном штабе было задумано вести широкую антинаполеоновскую пропаганду непосредственно через армию. По этой причине был создан пропагандистский центр с походной типографией. Правительство идею поддержало. Руководителем типографии был назначен Андрей Сергеевич Кайсаров. Он считал, что «...один печатный листок со стороны неприятеля наносит больше вреда, нежели сколько блистательная победа может принести нам пользы». Французы уже активно пользовались этим способом воодушевления своих солдат и устрашения противника. По мнению Кайсарова, нечто подобное необходимо было создать и при русской армии.

Русским офицерам было приказано оставлять по мере отступления различные листовки и прокламации, обращённые к армии Наполеона. Все они были написаны на национальных языках тех солдат и офицеров, к которым были обращены.

Не все пропагандистские материалы дошли до адресата, не все сумели убедить противника перейти на сторону России. Но определённые положительные результаты были. Из сдавшихся в плен испанцев и португальцев в конце 1812 года будет сформирован испанский Александровский полк; из перешедших на русскую службу немцев создадут Русско-немецкий легион. Сформируются, правда, меньшие по численности, французские и итальянские части. Все они повернут оружие против Наполеона.

Но всё это будет потом. А сейчас...

* * *

– Эти баулы с листовками передать лично полковнику Мещерину, – пояснил Закревский. – Надеюсь, не забыли такого?

– Что вы, как можно... буду рад встрече.

– Вас будут сопровождать трое казаков во главе с урядником.

– Каковы мои дальнейшие действия?

– Я уже сказал: поступаете в полное распоряжение Мещерина, – на лице Закревского появилось подобие улыбки. – Не сомневаюсь, капитан Ярцев ещё послужит Российской империи, и не только как артиллерист или военный инженер.

– Когда мы должны выехать? Завтра утром? Днём?

– Сегодня и немедленно!

Около часа они подробно обсуждали все тонкости предстоящего дела. Прощаясь, Закревский подал руку, окинул взглядом:

– Ну, Павел Петрович, с Богом!

– Благодарю, Арсений Андреевич! – Ярцев ответил рукопожатием и тут же вскрикнул.

– Что с тобой? – они снова перешли на «ты».

Ярцев потряс правой рукой в воздухе, как бы отгоняя боль:

– Часом назад имел неосторожность порезаться. Помогал чинить карету одной весьма привлекательной особы.

– Кто такая?

– Графиня Мазовецкая, направлялась в своё имение в Тверскую губернию. Видимо, испугалась прихода французов.

И Ярцев, сам не зная зачем, поведал о своём случайном и в то же время приятном знакомстве. Начальник Особенной канцелярии внимательно слушал, насмешливый взгляд его становился серьёзным.

– Мазовецкая, говоришь? Но это же польская фамилия! Я сам из Тверской губернии, и могу поклясться на Евангелие: у нас сроду таких не водилось. – Закревский для убедительности отрицательно качнул головой, потом тронул Ярцева за плечо. – Будь осторожней с женщинами, капитан.

Часть вторая

Клястицы

Это был первый военный совет после получения приказа пехотному корпусу Витгенштейна оставаться на правом берегу Западной Двины между Дриссой и Полоцком и защищать дорогу на Петербург. Совет проходил в селе Кохановичи, где расположился штаб корпуса.

Ласковое солнце приветливо заглядывало в окна крестьянской избы, в которой сидело несколько высших офицеров корпуса, отбрасывало тень на стол с разбросанными картами, планами и прочими документами. Открыл совет, как и положено, командующий корпусом генерал-лейтенант граф Витгенштейн.

Пётр Христианович поднялся и с высоты своего немалого роста оглядел присутствующих – тех, с кем ему предстояло воевать. Все люди достойные, участвовавшие в военных кампаниях с Францией, Швецией, Турцией: командующий 5-й пехотной дивизией генерал-майор Берг; командующий 14-й пехотной дивизией генерал-майор Сазонов, начальник артиллерии генерал-майор Яшвиль (точнее – грузинский князь Яшвили), начальник кавалерии генерал-майор Каховский, обер-квартирмейстер корпуса полковник Дибич, начальник инженерных войск полковник Сиверс. Ну и, конечно, сидящий справа от него за столом начальник штаба корпуса генерал-майор Довре и сидящий слева адъютант его, Витгенштейна, полковник Игнатьев.

Едва Витгенштейн заговорил, наступила тишина:

– Господа офицеры, согласно воле государя-императора и предписания, данного мне военным министром, командующим 1-й Западной армией генералом от инфантерии Барклаем-де-Толли, на нас возложена весьма ответственная и в то же время трудная задача: остаться на правом берегу Западной Двины между Дриссой и Полоцком и защищать дорогу, ведущую в нашу столицу Санкт-Петербург. Мы имеем две пехотные дивизии: 5-ю и 14-ю и три полка кавалерии. Всего 20 тысяч войска. Против нас выступают два французских корпуса Удино и Макдональда. Силы неравны: противник превосходит нас по численности почти в 2 раза. К тому же это закалённые в боях войска. Они намерены соединиться и взять нас в кольцо. Что это будет означать, вы хорошо представляете.

Витгенштейн сделал паузу, тяжело вздохнул и закончил:

– Я принял решение о дислокации наших сил. Об этом вам доложит генерал-майор Довре.

Начальник штаба корпуса Фёдор Филиппович Довре происходил из французских дворян. Он закончил инженерную академию в Дрездене и через несколько лет перешёл на русскую службу. Довре хорошо знал фортификацию, военное искусство, составлял планы расположения войск, топографические карты, был прекрасным боевым и штабным офицером и, как впоследствии вспоминал Витгенштейн: «благоразумными распоряжениями и советами своими был помощником в одержанных победах». Но настоящим призванием Довре было составление топографических карт. В 1809 году на полковника Довре было возложено управление всеми работами по военно-топографическому исследованию западных границ империи. Он с честью справился с этой весьма нелёгкой работой и к осени 1911 года представил карту всего западного пограничного пространства на 55 листах с приложением 37 отдельных планов позиций и описанием местностей. За этот труд был произведён в генерал-майоры. Вот и сейчас Фёдор Филиппович с указкой в руке стоял у обширной, развешанной на стене карты, готовый во всех деталях пояснить свой доклад.

Как и положено начальнику штаба, говорил Фёдор Филиппович чётко, кратко, понятно:

– 5-ю дивизию генерал-майора Берга решено расположить к северу от Полоцка следующим порядком: 1-я бригада – Севский и Калужский пехотные полки, 2-я бригада – Пермский и

Могилёвский пехотные полки и 3-я бригада – 24-й егерский полк; позади пехоты Гродненский гусарский полк – все 8 эскадронов.

14-я дивизия генерал-майора Сазонова расположится к северу от Дриссы. В её составе образованы также 3 бригады: 1-я – Тенгинский и Навагинский, 2-я – Эстляндский и Тульский пехотные полки; 3-ю бригаду составит 26-й Егерский полк. Позади дивизии встанут два драгунских полка: Рижский и Ямбургский – все по 4 эскадрона.

Впереди корпуса расположится авангард, состоящий из трёх казачьих полков под командованием Платова, Селиванова, Родионова.

Каждой дивизии решено придать артиллерию в 36 орудий – три роты по 12 пушек. Что касается резервной артиллерии генерал-майора Яшвили и Инженерных войск полковника Сиверса, их решено расположить здесь, в Кохановичах.

– Вот, господа офицеры, и все наши силы на сегодня. Вопросы?

Первым подал голос генерал-майор Сазонов:

– Каковы будут наши дальнейшие действия? Прикажете занять оборону?

Пётр Христианович был готов услышать этот больной для него вопрос. Конечно же этот вопрос больше к нему, командующему корпусом, чем к начальнику штаба. Поэтому и отвечать должен он:

– Занять оборону? Смотреть, как соединяются корпуса Удино и Макдональда, чтобы общими усилиями двинуть на нас? Но сумеем ли мы выдержать такой удар? – твёрдым голосом произнёс он.

– Тогда нам остаётся самим идти на Полоцк, – вмешался в разговор Берг.

– Нет, Полоцк нам не взять. У французов численный перевес, а мы будем в роли наступающих.

– Какие возможности для усиления корпуса? – с заметным акцентом в голосе спросил Яшвили.

– Главные надежды на 3-ю дивизию Гамена. Я отдал им приказ оставить Динабург и идти на восток в район реки Дриссы на помощь к нам. Удастся ли ему это осуществить, не могу сказать. Будем надеяться, что удастся. Что касается Эссена в Риге, у которого 18 тысяч войска, то им противостоит превосходящий их по численности корпус Макдональда. Поэтому на Эссена надежды слабые. Есть ещё 6 рекрутских батальонов, располагающихся в Пскове. Но на них, как и на создающееся в Петербурге ополчение, надежды ещё слабее. В общем, господа, нашему корпусу придётся пока действовать в одиночку, как самостоятельной армии.

– И всё-таки мы должны ударить первыми! – не унимался Берг.

– Мысль верная, должны. Но только тогда, когда Удино выйдет из Полоцка, – поправил Витгенштейн. – Тогда мы могли бы воспользоваться внезапностью и атаковать его по дороге.

– Но когда он это сделает?

– В этом главный вопрос. Разведка генерала Кульнева дала нам сведения о численности и дислокации войск противника. Но этого мало. Мы не знаем главного: когда они начнут выдвижение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.